

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Орлов Алексей Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,

Самарский филиал ГАОУ ВО г. Москвы

«Московский городской педагогический университет»,

г. Самара

e-mail: avorlov7@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания и практики реализации принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Несмотря на то, что данный принцип уже давно включен в систему базовых, фундаментальных правил построения уголовного судопроизводства, многие аспекты его действия до сих пор в достаточной мере не определены. В статье делается попытка рассмотреть актуальные проблемы, связанные как с законодательными формулировками этого важнейшего правила, так и с его практической реализацией.

Ключевые слова: право на защиту, принципы уголовного процесса, обвиняемый, защитник, участники со стороны защиты.

ACTUAL PROBLEMS OF ENSURING THE RIGHT TO DEFENSE FOR THE ACCUSED IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Orlov A. V.

PhD (Law), Associate Professor

Moscow City University, Samara branch

Samara

Summary. The article is devoted to the analysis of the contents and practice of implementing the principle of providing the suspect and the accused with the right to defense. Despite the fact that this principle has long been included in the system of basic, fundamental rules for the construction of criminal proceedings, many aspects of its operation are still not sufficiently defined. The article attempts to consider current problems related to both the legislative wording of this important rule and its practical implementation.

Keywords: the right to defense, the principles of criminal procedure, the accused, the defense counsel, the participants on the part of the defense.

Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту в рамках производства по уголовным делам является важнейшей конституционной гарантией осуществления уголовного процесса в соответствии с требованиями закона и достижения им своего назначения. На протяжении последних десятилетий, а в особенности после принятия в 2001 году Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ), в юридических научных кругах не прекращается самая оживленная дискуссия о том, способны ли предусмотренные законодательством гарантии в действительности обеспечить каждого подозреваемого и обвиняемого надежным «набором процессуальных средств», позволяющим эффективно реализовать их собственные интересы и на практике «защититься» от уголовного преследования.

На слуху многочисленные примеры о том, что установленные уголовно-процессуальным законом требования к качеству осуществления защиты по уголовным делам не соблюдаются, в результате чего страдают законные интересы подзащитных. В качестве яркой иллюстрации этого можно привести активно обсуждавшееся в средствах массовой информации дело актера Ефремова и его «прославленного» адвоката Эльмана Пашаева. В рамках этого громкого процесса обвиняемый в управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и допустивший смертельное ДТП Ефремов получил по итогам суда первой инстанции такой срок (8 лет реального лишения свободы), который очень заметно выбивается из общей тенденции на-

значения наказания за данные преступления. И одной из основных причин этого были названы ошибки осуществления защиты адвокатом Пашаевым, который, кстати, по итогам процесса был лишен статуса адвоката.

Таким образом, и законодательное закрепление уголовно-процессуального принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, и его практическая реализация остаются проблемными вопросами уголовного судопроизводства, что подталкивает нас к необходимости проанализировать сформировавшиеся проблемы и предложить наиболее уместные варианты их решения.

1. Начать, как нам представляется, необходимо с того, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует не только определение термина «обеспечение права на защиту», но и существуют разночтения в понимании его важнейших составных частей, элементов. Более того, не существует даже законодательной дефиниции самого «права на защиту», что является существенным недостатком законодательной техники. Такая ситуация порождает не только правовую неопределенность, но и затрудняет уяснение сущности, содержания этого важнейшего правового понятия.

Не вдаваясь в научную дискуссию, отметим, что под *обеспечением подозреваемому и обвиняемому права на защиту*, по нашему убеждению, необходимо понимать конституционный принцип уголовного судопроизводства, который реализуется через предоставление указанным субъектам необходимого и достаточного комплекса процессуальных средств (правовых инструментов), способных в максимальной степени обеспечить защиту их прав и законных интересов при осуществлении производства по уголовному делу.

При этом не следует забывать, что (с учетом специфики построения уголовного судопроизводства в нашей стране) возможность осуществления эффективной защиты возможно лишь при безусловном выполнении государственными органами, осуществляющими судопроизводство, своих обязанностей по обеспечению права на защиту. Все это приводит нас к выводу о том, что элементами механизма обеспечения права на защиту являются комплекс процессуальных прав участников судопроизводства со стороны защиты (обвиняемого, подозреваемого, защитника и др.), а также корреспондирующий ему комплекс процессуальных обязанностей ведущих уголовный процесс должностных лиц (следователя, дознавателя и др.) по обеспечению этих прав.

При этом предметом права на защиту (т. е. тем, что, собственно говоря, и должно ей обеспечиваться) необходимо считать не только *законные интересы* подозреваемых и обвиняемых, но и *нарушенные субъективные права* этих участников судопроизводства (например, право на свободу и личную неприкосновенность, ограниченные при незаконном или необоснованном избрании меры пресечения в виде заключения под стражу), восстановление которых также возможно через механизм обеспечения права на защиту.

2. Еще одной немаловажной проблемой реализации принципа обеспечения права на защиту является законодательное смешение двух близких, но далеко не тождественных понятий. Речь идет о «праве на защиту» и о «праве на защитника» (т. е. праве пользоваться услугами профессионального адвоката, или, как это названо в ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, «праве на получение квалифицированной юридической помощи»).

Анализ текста ст. 16 УПК РФ приводит к выводу, что законодатель не выделяет существенных различий в этих двух принципиально разных, по нашему убеждению, правовых категориях. Представляется, что «право на защиту» является более широким понятием, которое включает в себя «право на защитника» лишь в качестве одного из очень важных, но далеко не исключительных средств осуществления защиты. Проще говоря, реализуемое подозреваемым или обвиняемым право пригласить защитника должно укладываться в общее понимание и цели осуществления права на защиту в целом. В противном случае даже при наличии адвоката у обвиняемого его право на защиту так и останется нереализованным. Например, как это было в уже упомянутом деле Ефремова, где, судя по результату, право на защиту было воплощено в жизнь крайне неэффективно, хотя право иметь защитника осуществлялось более чем на 100 % с учетом времени, проведенного адвокатом Пашаевым в эфирах телеканалов и в судебных заседаниях.

В свете изложенного представляется верным провести в тексте УПК РФ четкое разграничение двух близких, но не тождественных понятий – «права на защиту» как принципа уголовно-

го судопроизводства и «права на получение квалифицированной юридической помощи» (т. е. «права на защитника») как одной из конституционных гарантий этого принципа.

Обратим внимание еще на одну проблему, вытекающую из вышесказанного. Речь идет о вполне логичном (с обывательской, бытовой точки зрения) мнении, что при неэффективности осуществленной по уголовному делу защите (как в случае с адвокатом Пашаевым) вынесенный по делу приговор суда должен быть пересмотрен, т. к. осужденный не должен «страдать» от того, что его защитник не сумел добиться положительного результата, а фактически – усугубил, ухудшил последствия для своего подзащитного.

На наш взгляд, эти рассуждения нельзя признать сколько-нибудь обоснованными с юридической точки зрения. И уж тем более «неэффективность защиты» нельзя признавать обстоятельством для пересмотра принятых с соблюдением требований закона судебных решений. Во-первых, позиция адвоката-защитника должна согласовываться с позицией обвиняемого (подозреваемого), а в случае их принципиального расхождения за обвиняемым сохраняется право отказаться от услуг конкретного защитника (ст. 52 КПК РФ) и пригласить себе другого, чья позиция будет ближе к его собственной. Если же обвиняемый соглашается с предложенной адвокатом линией защиты, то и ответственность за этот выбор несет только он. Во-вторых, возможность такого пересмотра судебных решений позволила бы сформироваться порочной практике осуществления защиты через оказание заведомо некачественной юридической помощи с последующим смягчением приговора по данному основанию в апелляционном или кассационном производствах, что, по сути, дискредитирует саму идею института права на защиту.

3. И, наконец, рассматривая дискуссионные вопросы обеспечения права на защиту, нельзя не затронуть проблему допустимого круга средств осуществления такой деятельности по уголовным делам.

Конституция РФ в ч. 2 ст. 45 прямо указывает на возможность каждого пользоваться для защиты своих прав и свобод «всеми способами, не запрещенными законом». При этом положения ч. 2 ст. 16 УПК РФ обязывают должностных лиц, ведущих судопроизводство, обеспечить подозреваемому и обвиняемому возможность защищаться «всеми *не запрещенными настоящим Кодексом* (выделено автором. – А. О.) способами и средствами».

Анализ приведенных формулировок однозначно свидетельствует о том, что ст. 16 УПК РФ абсолютно безосновательно расширяет круг допустимых средств защиты по сравнению с Конституцией РФ. Буквальное толкование текста рассматриваемой статьи УПК РФ позволяет прийти к выводу, что в качестве допустимого способа осуществления защиты можно рассматривать, например, оговор заведомо невиновного лица, т. к. такие действия запрещены не УПК РФ, а Уголовным кодексом РФ.

В свете сказанного неоправданно широкая трактовка круга средств защиты, которая вытекает из ч. 2 ст. 16 УПК РФ, должна быть законодательно скорректирована и приведена в соответствие с Конституцией РФ.

Самостоятельным доводом в пользу высказанной точки зрения является также тот факт, что Пленум Верховного суда РФ в п. 18 Постановления от 30.06.2015 г. № 29 [1] признал, что в силу ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, реализация прав и свобод одного лица не должна нарушать и ограничивать права и свободы других лиц. В связи с этим нижестоящие суды были сориентированы на непризнание нарушения права на защиту в тех случаях, когда действия обвиняемого или защитника обусловлены «явно недобросовестным использованием» предоставленных уголовно-процессуальным законом полномочий по осуществлению защиты.

Таким образом, следует отметить, что вседозволенность в выборе обвиняемым средств защиты, которая вытекает из неоправданно широкой трактовки уголовно-процессуальной нормы о праве на защиту, таит в себе серьезную опасность. Определяя круг допустимых средств защиты, Конституция РФ по своему смыслу ограничивает подозреваемых, обвиняемых и их защитников и законных представителей в использовании таких незаконных «методов защиты», как оговор заведомо невиновного лица, понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний и т. п. Поэтому и формулировки ст. 16 УПК РФ следует скорректировать.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что вопросы обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту являются важнейшими с точки зрения выполнения уголовным судопро-

изводством своего назначения. В связи с этим действующее уголовно-процессуальное законодательство нуждается в серьезной доработке.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с последующими изменениями). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30.06.2015 г. № 29. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».